

Ли Цин на мгновение ослабила бдительность, и Лу Минсяо пустил на ветер почти половину своих каникул.

Мимолетные летние дни таяли в маленьком дворике, воплощаясь в цветущих растениях и лае собак, в аппетитном аромате стряпни Ли Цин и грохоте, с которым Лу Чуань собирал дешевые пластиковые игрушки...

Время ускользало незаметно и буднично.

Лу Минсяо планировал снова тайком улизнуть вместе с Цзян Хуайюем, на этот раз — в кемпинг у подножия Горы Большого Дикого Осли. Там протекал мелководный ручей, появлявшийся только в сезон половодья, который посещали в основном местные. Недавние проливные дожди наполнили ручей, и Лу Минсяо не терпелось попытать счастья в рыбалке.

Однако их заговорщицкий шепот разнесся слишком далеко и привлек внимание Ли Цин. План был задушен в зародыше. Ничуть не смутившись, Лу Минсяо вытащил рыболовную сеть, как только Ли Цин ушла из дома.

Чтобы его не потащили за собой в качестве заметного «хвостика», Цзян Хуайюй достал ноутбук из угла своего чемодана.

— Мне нужно делать уроки, — заявил он.

— А? Впервые слышу от тебя упоминание о домашке... — Заинтригованный, Лу Минсяо отбросил сеть и наклонился поближе. — О чем твоё задание?

— Проект называется «Межцивилизационный диалог о глобальных фермерских хозяйствах». Наша группа выбрала темой американские механизированные кукурузные фермы. Я отвечаю за съёмку некоторых документальных кадров и написание первых двух разделов аналитического отчёта.

Лу Минсяо: — ...Внезапно мои собственные уроки кажутся не такими уж плохими. Твои звучат так, что к ним даже не знаешь, как подступиться.

Группа Цзян Хуайюя создала чат совсем недавно — обычная ситуация примерно для 70% старшеклассников по всему миру. Большинство даже не задумываются о домашнем задании до самого начала учебного года. Молодые господа и леди из старшей школы Шэньхай не были исключением. Один из членов их группы уже отправился в Айову для проведения натуральных съёмок и интервью.

Первоначальный план Цзян Хуайюя на каникулы заключался в том, чтобы проехать по Европе, а затем встретиться с участником группы в США. Но вместо этого он пропустил северное сияние на горе Флуоя и в итоге ел свежую дикую зелень на Горе Большого Дикого

Осла. Тем временем участник из Айовы так и не дождался своего лидера. На прошлой неделе Цзян Хуайюй извинился за нарушение обещания и вызвался взять на себя разделы исследовательского отчета, которые изначально предназначались тому члену группы.

Проблема заключалась в том, что для живых кадров, которые ему нужно было снять, всё еще требовались кукурузные поля и местные фермеры.

Цзян Хуайюй спросил Лу Минсяо: — Хочешь поехать в Америку?

Лу Минсяо, уткнувшийся лицом в домашнее задание по английскому и уже начавший проваливаться в сон, чуть не решил, что ему это снится, когда внезапный вопрос Цзян Хуайюя заставил его вздрогнуть. Он отодвинул тетрадь, сонно моргая.

— Зачем? Это маленькое задание по английскому не стоит заграничной поездки ради ответов.

Цзян Хуайюй:

Услышав о «небольшой проблеме» Цзян Хуайюя с уроками, Лу Минсяо скептически поднял бровь.

— Довольно интересное задание, не находишь? Скрытые требования к уровню достатка вшиты прямо в него — просто еще один способ отсеять учеников не из вашего круга, а?

Иногда Цзян Хуайюй был искренне впечатлен острой проницательностью Лу Минсяо.

— Значит, нужны просто кукурузные поля и местные фермеры, верно? — Лу Минсяо отбросил рабочую тетрадь и лениво потянулся. — Пойдем, брат. Я с этим разберусь.

Цзян Хуайюй посмотрел на него с недоверием. — У тебя есть план? Он хоть надежный?

— Что за лицо? — Лу Минсяо схватил панаму от солнца и нахлобучил её на голову Цзян Хуайюю. — Пошли, гарантирую — всё надежно. Когда я тебя подводил?

Поразмыслив мгновение, Цзян Хуайюй признал, что Лу Минсяо и впрямь был надежным человеком. Он последовал за ним за дверь; их первой остановкой стал дом Ли Жуя.

В тот момент, когда ворота во двор Ли Жуя распахнулись, между Лу Минсяо и Цзян Хуайюем промелькнула темная тень — настолько ловко, что Цзян Хуайюй едва не принял её за обезьяну. Он обернулся и увидел бабушку этой «обезьяны», которая гналась следом, размахивая скалкой.

— Бабушка Ли, вы же споткнетесь, если будете так за ним бегать! — Лу Минсяо преградил ей

путь. — Что он опять натворил? Скажите мне, и я... я разберусь с ним позже.

Он посмотрел на старушку; его молодое красивое лицо на мгновение исказилось, будто он отчаянно пытался сдержать смех.

Цзян Хуайюй, стоя спиной к бабушке Ли, понятия не имел, что происходит. Заметив странное выражение лица Лу Минсяо, он слегка подался вперед...

На руке бабушки Ли, сжимавшей скалку, были вытатуированы два свирепых тигра, спускающихся с горы — такие «рукава» обычно предпочитают криминальные авторитеты. А на лбу красовался красно-черный иероглиф «卍» (терпение/выдержка). С этими яркими татуировками и абстрактным символом на лбу бабушка Ли больше походила на «духовную мать», правящую городской площадью, чем на обычную пенсионерку.

Цзян Хуайюй не выдержал: — Пфф...

— Ах ты, мелкий негодник! Он сказал мне, что это лечебный пластырь! «Приклей к руке, плесни водички, и он вылечит твой артрит», — говорил он. Когда я его содрала, рука была черная как уголь — я-то думала, это токсины выходят! Что за чушь! Оказалось, это всего лишь одна из этих... как их там!

— Переводные татуировки, — услужливо подсказал Лу Минсяо.

— Вот именно! Только пусть этот сорванец вернется — я ему всё лицо этими штуками обклею!

Лу Минсяо начал обмахивать бабушку Ли ладонью.

— Успокойтесь, бабуля. В этот раз он и правда перегнул палку.

Он опустил взгляд, борясь с улыбкой.

— Определенно перешел черту! Бабушка, а двоюродный дедушка ответил? Он дома?

Бабушка Ли взяла телефон, щурясь на огромный шрифт.

— Сказал, что дома. Ступайте к нему.

Так Лу Минсяо и Цзян Хуайюй сели в очередной автобус, направлявшийся на окраину города.

Пока автобус покачивался на дороге, Цзян Хуайюй спросил: — Кто такой двоюродный дедушка?

— Это младший брат бабушки Ли, которого её родители усыновили. Ты сказал, что хочешь снять кукурузное поле — это просто. Но ты еще хотел иностранного фермера, который умеет выращивать кукурузу — вот это уже задачка. И всё же... — Лу Минсяо добавил: — Решений всегда больше, чем проблем. Просто делай как я.

Спустя двадцать минут автобус выехал за черту города, и по обе стороны дороги потянулись обширные сельхозугодья. Из-за рельефа поля были по большей части небольшими и раздробленными. Еще через полчаса, когда автобус огибал подножие горы, вид внезапно открылся. Перед ними раскинулась огромная равнина, засаженная ровными рядами кукурузных стеблей; их сочная зелень тянулась до самого горизонта, плавно сливаясь с чистым голубым небом.

— Будь осторожен при съемке, — сказал Лу Минсяо. — Чтобы лозунг «Возродим закрома Родины» не попал в кадр.

Цзян Хуайюй высунулся в открытое окно автобуса. Нагретый солнцем ветерок, пронесившийся над полями, казался таким теплым, будто мог в мгновение ока заставить созреть нежные зеленые побеги. Он нес в себе...

Едкий аромат коровьего навоза.

Цзян Хуайюй с бесстрастным лицом закрыл окно.

Когда они наконец встретили двоюродного дедушку, Цзян Хуайюй понял, почему Лу Минсяо привез его на автобусе в этот маленький городок на окраине. Двоюродный дедушка был пожилым мужчиной русского происхождения. Пока он молчал, то выглядел как самый настоящий иностранец. Но как только он заговорил...

— Эй, мелкий паршивец! Давно не виделись! — прогремел старый господин Цзян; его местный акцент был густым, как мед. Он от души хлопнул Лу Минсяо по плечу. — В этот раз не привез Ли Жуя? И слава богу! Ты — работник, а он только беду накликал горазд. Запрыгивай на квадроцикл, сможешь мне отвезти удобрения!

Лу Минсяо охотно согласился, закинув руку на плечо Цзян Хуайюю.

— Видишь? Нашел нашего «местного» эксперта по выращиванию кукурузы прямо здесь!

Что касается сильного акцента старика...

Неважно. На монтаже можно будет наложить дубляж.

Внук двоюродного дедушки держал телефон, снимая Цзян Хуайюя, который говорил исключительно по-английски, отчего мальчик только хлопал глазами, потеряв дар речи. Тем

временем Лу Минсяо тоже не сидел без дела: он лихо управлял фермерским квадроциклом, перевозя удобрения для старика, и его задорный смех эхом разносился над полями.

Когда съемки закончились, Цзян Хуайюй благодарил старика, а в это время Лу Минсяо подкатил к ним на квадроцикле, весело насвистывая.

— Эй, Юй-гэ! Хочешь прокатиться?

Лу Минсяо протянул руку. — Давай! Это полный улет. Я даже научу тебя водить его позже, сделаем пару кругов.

Цзян Хуайюй на мгновение заколебался.

Колеса машины были необычайно высокими, что сильно задирало шасси. У него совсем не было верха, а водитель, будучи несовершеннолетним, не имел прав.

Всё в этой затее кричало о безрассудстве. Молодой господин Цзян, который вырос, слушая мантру своего деда по материнской линии: «Благородный муж не стоит под ветхой стеной», по логике вещей никогда не должен был даже ногой ступить в такую колымагу.

И всё же под ярким летним солнцем юноша в новенькой соломенной шляпе так лучезарно улыбался. Когда эти глубокие, сосредоточенные глаза пристально смотрели на него, отказать было почти невозможно.

Цзян Хуайюй сжал тонкую ладонь юноши — она была теплой и сухой. Легким рывком его втянули на «пассажирское сиденье».

— Я думал, ты струсил, — крикнул Лу Минсяо сквозь тарахтенье мотора. — Такие ручные квадроциклы — обычное дело на фермах, тут нет строгих правил. На частной территории права не нужны. Они легкие в управлении. Хочешь порулить?

— Наверное, нет... — Цзян Хуайюй поднял руку, чтобы придержать бейсболку.

Деревенская местность была иссечена аккуратно вымощенными бетонными дорогами, каждая извилистая улочка соединяла один дом с другим. С высоты квадроцикла открывался бескрайний вид, позволявший обозревать окрестные поля, колышущиеся подобно зеленому морю, среди которых маленькие домики были рассыпаны, словно жемчужины.

Механический грохот оглушал, но настроение Цзян Хуайюя то поднималось, то опускалось в гармонии с сочным, волнистым пейзажем.

— На самом деле у нас не так уж и плохо, — заметил Лу Минсяо. — Почему бы не остаться

подольше?

Он не повышал голоса, задавая этот вопрос, и слова быстро были поглощены шумом двигателя и порывами ветра.

Пока Лу Минсяо в спешке нагонял школьную программу, Цзян Хуайюй паковал чемоданы, готовясь к возвращению в город Шэнь.

Он возвращался раньше срока из-за дня рождения своего двоюродного дедушки по отцовской линии. В семье Цзян всегда придавали большое значение сыновней почтительности и семейному единству. На празднование юбилея старейшего патриарха должны были вернуться все представители младшего поколения, если только не случилось чего-то по-настоящему экстренного. Цзян Хуайюй, который «учился за границей», не был исключением.

Цзян Хуайюй спросил Лу Минсяо, не хочет ли тот поехать с ним. Лу Минсяо ответил:

— Я еще не доделал уроки. Когда начнется школа, сестру Цин снова вызовут в кабинет к директору на нотацию.

Он, казалось, ни разу не задумывался о том, как долго продлится «возвращение» Цзян Хуайюя — возможно, достаточно долго, чтобы ему больше никогда не пришлось доделывать это домашнее задание.

Такова была его позиция. Он по-прежнему отказывался возвращаться в семью Цзян.

Вся семья из трех человек отправилась на вокзал, чтобы проводить Цзян Хуайюя. Лу Минсяо починил сломанное колесико на его чемодане, но всё равно сам тащил его весь путь. От такси до платформы Лу Минсяо был непривычно молчалив.

Ли Цин и Лу Чуань были полны щемящей тоски. В течение всего отпуска они сдерживали себя, стараясь не давить на Цзян Хуайюя. В конце концов, они были совершенно чужими людьми в течение шестнадцати лет жизни ребенка — как они могли ожидать, что он безоговорочно примет их внезапную привязанность?

Только в этот момент их сдержанные чувства начали прорываться наружу. Глаза Ли Цин покраснели, и она отвернулась, чтобы вытереть слезы, боясь, что Цзян Хуайюй это увидит.

Тонкая рука с выраженными костяшками протянула ей салфетку. Ли Цин удивленно подняла глаза и увидела красивого, утонченного юношу, который смотрел на нее; его глаза — так похожие на её собственные — были полны нежной заботы.

— Мама, — мягко улыбнулся Цзян Хуайюй, — я приеду домой на зимние каникулы и всякий

раз, когда у меня будет свободное время на праздниках.

Ли Цин наконец не выдержала и обняла своего ребенка. Она слегка похлопала Цзян Хуайюя по плечу, ничего не говоря.

Тетушка неподалеку, полушутя-полусочувствуя, улыбнулась Ли Цин. — Отправляете ребенка в колледж, да? Должно быть, далеко. Не грустите так сильно — через пару дней поймете, как дома тихо и спокойно. На самом деле без детей куда больше расслабляешься.

Ли Цин усмехнулась. — Тихо и спокойно? Только не с этим чертенком, который до сих пор тут скачет.

«Чертенок» вручил Цзян Хуайюю его чемодан.

Они обменялись взглядами. Лу Минсяо ухмыльнулся. — Босс Цзян, не забудь продолжать покупать брату Ху его элитный корм, когда вернешься. Эта импортная дрянь его совсем разбаловала — он за этот месяц три фунта набрал! Я не потяну его так кормить. Ты в ответе.

— Хорошо, — ответил Цзян Хуайюю, забирая чемодан и катя его по полу. Колеса скользили плавно. Он пробормотал: — Спасибо.

Спасибо за починку колес. Спасибо... за многое другое.

На маленькой станции пассажиры выстроились на платформе в ожидании скоростного поезда. Как и в день его приезда, поезд, соединяющий бесчисленные пункты назначения, остановится в этом маленьком городе лишь ненадолго — на две минуты. Кто-то из пассажиров возвращался домой, а кто-то отправлялся в новое путешествие.

Когда Лу Минсяо увидел, что Цзян Хуайюю катит свой чемодан обратно, он решил, что тот что-то забыл, и поспешил навстречу.

— Лу Минсяо! — крикнул Цзян Хуайюю, подбегая. — Не вздумай сносить мою спальню! Я вернусь туда жить на зимних каникулах.

С этими словами он снова умчался прочь, как длинноногий арктический заяц.

Лу Минсяо замер на мгновение, а затем расхохотался.

Самолет приземлился в Шэньхае поздно ночью. Сун Цзинлян и Цзян Лань приехали встречать его. Они почти не отреагировали на то, что их биологический сын не вернулся вместе с ним, сосредоточившись вместо этого на расспросах Цзян Хуайюя о его приключениях в доме семьи

Лу.

Хотя они уже обсуждали большую часть этого в Вичате, слышать истории лично было совсем иначе. Цзян Хуайюй чувствовал, что родители сгорают от желания спросить о Лу Минсяо, но, как и Ли Цин с мужем, они негласно выбрали тактику сдержанности.

Цзян Хуайюй сам проявил инициативу и заговорил о Лу Минсяо.

Вместо того чтобы упоминать «триумфальную» лихорадку Лу Минсяо с уроками, он поделился историями о том, как Лу Минсяо носил бабушку Ли в больницу на руках, как он часто помогал Ли Цин с ремонтом и о том случае, когда он яростно заступился за Цзян Хуайюя перед Зеленоволосым.

Родители слушали внимательно, разговор продолжался всю дорогу до дома. Цзян Лань улыбнулась и сказала: — Сяобао, твоя мама Ли Цин вырастила твоего старшего брата таким замечательным молодым человеком. Мы очень им благодарны — и еще больше благодарны за то, что они...

Сун Цзинлян вставил: — Родили нашего Сяобао таким молодцом! А то я слышал, у того паренька оценки не то чтобы блестящие.

Вспомнив, как Лу Минсяо, вероятно, до сих пор яростно зубрит, Цзян Хуайюй не смог сдержать смех. — Я на него не ябедничал! Я рассказывал только хорошее.

После ужина Цзян Хуайюй открыл свой чемодан, до отказа набитый местными деликатесами, которые собрала Ли Цин. Чемодан едва закрывался, и когда он его открыл, тот почти лопнул, отчего многие вещи посыпались на пол.

Цзян Хуайюй перебрал всё, планируя позже отнести съестное на кухню. Среди груды вещей он обнаружил кривобокую плюшевую игрушку — ослика с огромной головой. На его туловище неуклюжими нитками были вышиты слова: «Добро пожаловать на Гору Большого Дикого Осла».

«Это, должно быть, одна из тех сувенирных игрушек за пятьдесят юаней, что продают у входа в парк», — подумал Цзян Хуайюй. Он вспомнил, что Лу Минсяо тогда колебался, покупать ли её, хотя и остановился полюбоваться её нелепым, трогательным очарованием. Позже Лу Минсяо сказал, что ему нужно в туалет, так что он, должно быть... тайно купил её для него?

Цзян Хуайюй покрутил головастого ослика на пальце, поднес его к лампе, сделал фото и отправил Лу Минсяо с благодарственным сообщением.

Спустя мгновение всплыло уведомление из Вичата. Лу Минсяо ответил анимированным стикером: маленький человечек яростно что-то строчит, а от трения ручки летят искры.

Цзян Хуайюй усмехнулся, найдя стикер невероятно метким. Он небрежно отправил Лу Минсяо в ответ: «Так держать!».

На банкете по случаю дня рождения своего двоюродного дедушки по отцовской линии Цзян Хуайюй впервые увидел своего дедушку по материнской линии после того, как подтвердилось, что он не связан с семьей Цзян кровным родством.

Идя рядом с Цзян Лань, он привычно поприветствовал деда.

Цзян Циньхэн не стал его открыто игнорировать, а лишь холодно кивнул и отвернулся, чтобы поговорить со старым другом. Лицо Цзян Лань мгновенно потемнело, но, сдерживаемая присутствием многочисленных гостей, она заставила себя вежливо улыбнуться и увела Цзян Хуайюя подальше от старого господина Цзяна.

— Сяобао... — сказала она, протягивая ему стакан сока. — Твой дедушка стареет, и его мышление становится немного косным. Со временем он придет в себя. Не принимай это близко к сердцу...

Но даже произнося это, она не могла убедить саму себя. Она с подавленной яростью поставила бокал с вином обратно на стол. Тем не менее, даже в гневе её мягкая натура проявлялась в тихом, напряженном тоне: — Почему он усложняет жизнь моему ребенку? Сяобао, послушай меня. Если дедушка обдаёт тебя холодом, тебе не нужно с ним видеться. Подожди, пока он не придет в чувства. Мой драгоценный Сяобао не должен терпеть такое отношение.

Цзян Хуайюй давно ожидал холодного приема от деда. Подготовив себя к этому, он чувствовал себя менее удрученным, чем предполагал. Вместо этого он утешил Цзян Лань: — Мам, всё в порядке. Он всё равно дедушка. Неважно, как он на меня смотрит, он всегда будет твоим отцом. Я буду его уважать.

Цзян Лань, вырастившая своего ребенка в одиночку, немедленно уловила скрытый смысл в его словах.

Уважение, а не привязанность.

Она тихо вздохнула, понимая, что даже посреди этого перевернувшего жизнь события её Маленькое Сокровище всё еще страдает от боли.

Пока Цзян Лань беседовала с друзьями, Хуайюй нашел тихий уголок, чтобы присесть. Цзян Хуайнин, непревзойденный мастер создания настроения, всё еще была в Вене, «выставляя напоказ одиночество». С дальними кузенами Хуайюй тоже не был особо близок; после короткого приветствия все уткнулись в свои телефоны.

Хуайюй тапнул по фото профиля Лу Минсяо.

Я похлопал Лу Минсяо по плечу и крикнул: «Эй, брат Сяо!»

Он ожидал, что Лу Минсяо, всё еще согнувшийся над тетрадью и буквально «добывающий огонь трением ручки», не успеет ответить. К его удивлению, Лу Минсяо немедленно отозвался прыгающим эмодзи, энергия которого была безошибочно самодовольной и триумфальной...

Цзян Хуайюй: — Ты реально доделал уроки?

Лу Минсяо: — Одна бутылка колы, одна ручка, одна ночь — свершилось чудо.

Он прислал еще один эмодзи — голову собаки, озорно подмигивающую. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это мем, сделанный из детских фото Хуцзы.

Спустя мгновение Лу Минсяо прислал еще одно сообщение.

Лу Минсяо: — Ты же говорил, что сегодня день рождения твоего двоюродного дедушки? Как банкет? Весело?

Цзян Хуайюй: [Изображение] [Изображение]

На первом фото была запечатлена сцена: благоухающие наряды и блеск причесок, все так и сияют под огнями ламп.

Лу Минсяо: — Сплошь фальшивые улыбки, куча лицемеров.

Лу Минсяо: — Видел там нашу маму. Выглядит потрясающе.

На второй фотографии был запечатлен длинный стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный ослепительным разнообразием блюд, от которых глаза разбегались.

Лу Минсяо: — Раз уж мне не довелось это съесть, значит, на вкус оно точно кислое.

Лу Минсяо: — Ничто не сравнится с тушеной свиной рулькой бабушки Ли. Кстати говоря, твоя тетя приготовила тот местный деликатес, что мама тебе дала? Я попрошу маму прислать тебе рецепт позже.

В зале зазвучали первые ноты «Лета» Кикуджиро, исполняемые рукой новичка. Переходы были неуклюжими, ноты — резковатыми, но мелодия всё же сохраняла свое щемящее тепло.

Цзян Хуайюй поднял глаза и увидел маленького мальчика, сидящего за роялем — внука его двоюродного дедушки по отцовской линии.

Почти каждый год это место занимал Цзян Хуайюй. Его навыки игры на фортепиано и впрямь были впечатляющими.

Гости часто хвалили его дедушку по материнской линии, говоря: «Молодой господин по-настоящему одарен — он преуспевает во всем, за что берется».

Только Цзян Хуайюй знал правду: он не был особенно одарен и не слишком любил пианино. Достижение такого мастерства потребовало бесчисленных часов практики.

Его дедушка всегда слушал фортепианную музыку, когда тосковал по своей покойной жене.

В этом году дед стоял позади маленького мальчика с улыбкой восхищения на лице.

Цзян Хуайюй внезапно почувствовал, как на него нахлынуло спокойствие. В голове промелькнула единственная мысль:

«Мне больше не нужно заставлять себя заниматься на пианино. Теперь я могу играть просто так, когда захочется».

Он опустил голову и продолжил читать сообщение от Лу Минсяо.

Лу Минсяо: — Босс Цзян, хочешь сгонять в катку? У меня сегодня руки так и горят — я тебя затащу в топ!

Цзян Хуайюй: — Погнали.

<http://bllate.org/book/14891/1621352>